

1. 4. Проблема литературного языка Древней Руси. Характер литературного языка, отраженного в анализируемых списках ПВЛ.

Исследование ЯЛ невозможно без учета языковых особенностей созданного ею произведения, тем более, если объектом исследования является отдаленный от исследователя по времени памятник письменности. Многие приметы, характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ, предопределены особенностями того языка, на котором написан этот летописный свод. Поэтому считаем, что изучению ЯЛ составителя ПВЛ должен предшествовать обзор специфики отраженного в избранных летописях-списках ПВЛ языка.

Изучение литературного языка Древней Руси и решение ряда вопросов, сопутствующих данной проблеме является “магистральным” направлением в исследованиях отечественных лингвистов. Реконструкции древнерусского литературного языка посвящены фундаментальные труды крупнейших отечественных историков языка: А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина и многих других. Однако единства в решении вопроса о характере литературного языка Древней Руси не наблюдается. Так, по А.А. Шахматову, родоначальником письменного русского литературного языка следует считать церковнославянский (древнеболгарский) язык [Шахматов, -в]. С.П. Обнорским было выдвинуто обратное положение. По мнению этого исследователя, литературный язык возник на собственно древнерусской основе и не зависел от старославянского языка [Обнорский 1946, с. 56]. Более плодотворной оказалась теория, разработанная В.В. Виноградовым. Согласно трудам исследователя, выделяется два типа литературного языка: книжно-славянский (церковнославянский язык русского извода), отразившийся в языке житийной литературы, агиографических сказаниях и т.п., и народно-литературный, который сформировался на основе разговорной речи древних русов и языка устного народного творчества. Язык этого типа отразился в “Слове о полку Игореве...”, “Слове о погыбели земли русской” и других произведениях. Согласно В.В. Виноградову, эти типы не были различными языками, но двумя функционально разграниченными и жанрово разнородными системами средств выражения [Виноградов 1978 с. 185].

Ф.П. Филин развивает идею двуязычия в Древней Руси. Языковая ситуация, по мнению исследователя, характеризуется одновременным функционированием двух языков: церковнославянского и древнерусского [Филин 1981]. По мнению Ф.П. Филина, эти два языка различались не только национальной почвой, но и функционированием: первый из них был языком христианства, а другой – светским. Выбор того или иного языка, типа языка зависел от книжника, от содержания памятника [Филин 1981, с.259].

Концепция Ф.П. Филина хороша для начального этапа русской письменности, но уже в XII – XIII в.в. говорить о двуязычии сложно. Попытка переосмыслить теорию литературного двуязычия была сделана Б.А. Успенским. Исследователь предложил концепцию диглоссии в Древней Руси [Успенский 1994 с.5]. Согласно Б.А. Успенскому, книжная языковая система была связана с письменной традицией, а некнижная система – с обыденной жизнью.

В современной лингвистике наиболее распространенным является мнение, что в древнерусский период существовало два типа литературного языка. Однако в ряде работ ставится под сомнение возможность сосуществования двух самостоятельных и обособленных типов. Так, Л.Г. Панин считает, что “язык церковнославянских памятников и язык светских произведений развивался во взаимовлиянии и взаимосвязи [Панин 1995, с.80], а, значит, были едины. Связи обеих форм были взаимными, их общность касалась фонетики и грамматики – ядра языка. Этот единый язык различался только в частичных проявлениях, и даже выделение форм носит условный характер, зависит от содержания, передаваемого языком – культового или некультового, т.е. от тематики и сферы использования. “На функциональной оси действовали противоречивые тенденции: каждая из условно выделяемых форм тяготела к своему полюсу и к единой норме: первое тяготение было жанровым, второе – общезыковой тенденцией” [Панин 1995, с.82].

М.Л. Ремнева полагает, что в качестве письменного языка существовал церковнославянский язык разной степени строгости, в соответствующих двух формах – строгой (богослужебная литература, жития, ораторская проза) и сниженной (летописи, ”Слово о полку...” и прочие). Набор средств выражения в строгой форме складывался за счет средств церковнославянского языка, а в сниженной форме элементы такого набора были разносистемны [Ремнева 1995, с. 102-103].

В работах Л.Г. Панина, М.Л. Ремневой и В.М. Живова проблема литературного языка Древней Руси решается в пользу церковнославянского

языка, реализующегося в двух ипостасях: канонической, жанрово связанной с богословской литературой, и релятивной, связанной с оригинальной литературой.

Наибольший интерес для нас представляет концепция В.М. Живова [Живов 1996]. Исследовав разные гибридные формы письменного языка русского средневековья, В.М. Живов, ранее разделявший взгляды Б.А. Успенского о диглоссии в допетровской Руси [Zoltán 1999, с. 182], пришел к выводу о том, что если рассматривать языковую ситуацию Древней Руси через противопоставление церковнославянского языка живому русскому, то упускается большая часть оригинального литературного наследия Древней Руси (прежде всего летописание, которое создавалось на книжном языке, но не стандартном церковнославянском). Исследователь отказывается от интерпретации живого языка как целиком естественного, а книжного (церковнославянского) как полностью искусственного. В.М. Живов считает, что между этими двумя крайностями существует два регистра, различающиеся разной степенью строгости следования церковнославянским образцам и способами порождения текстов.

Позиция исследователя представляется наиболее оправданной текстологически. В.М. Живов учитывает “условный” характер древней языковой системы, по сути являющейся итогом реконструированной эволюции текстов памятников. В летописях этапы развития древнего литературного языка запечатлены в дошедших до нас результатах работы того или иного редактора, переписчика, а каждый шаг исторического развития летописного текста – это переосмысление традиции летописания, своеобразная проверка ее на прочность.

Считаем подход В.М. Живова к проблеме литературного языка древних славян сообразным генеалогической схеме ПВЛ, где этапами исторического развития служат своды-протографы.

В.М. Живов достаточно подробно останавливается на языке летописания, учитывает его сводный характер и жанровую специфику, что позволяет

установить зависимость между традицией летописания (ее развитием и узусом) и традицией гибридного регистра, его развитием, устойчивым и независимым узусом, сохранившимся в текстах летописей. Исследователь связывает сосуществование генетически разнородных языковых элементов и их переосмысление в ходе исторического развития с работой механизмов письменной установки книжников: механизма ориентации на образцы (тексты Святого Писания и богослужения) (МОО) и механизма пересчета (МП) – сознательного отталкивания от живого языка включением в текст показателей стандартного церковнославянского языка в качестве признаков книжности (согласованные причастия в деепричастной функции, формы двойственного числа, дательный самостоятельный и пр.). Причиной выбора механизма пересчета служила ситуация, когда книжник не находил в образцовых текстах языкового материала для создаваемого произведения. По мнению В.М. Живова, именно различия в соответствии МОО и МП позволяют объяснить развитие разных “регистров” книжного языка: “Если употребляется лишь МОО, результатом будет стандартный церковнославянский текст, не отличавшийся по своим существенным характеристикам от воспроизводимых текстов Святого Писания и богослужения, то есть основного корпуса книжных текстов. ...Тексты этого рода создают свою традицию, в рамках которой появляются затем новые тексты, образующие сходной функцией в системе книжной письменности. Если доминирующее значение получает МП, результатом оказывается гибридный церковнославянский текст, также ориентированный на основной корпус книжных текстов, но отличающийся от него по ряду лингвистических характеристик. Такого рода тексты создают свою традицию, к которой позднее примыкают новые и новые тексты. Поскольку необходимость в интенсивном применении механизма пересчета возникают в силу нестандартности (по отношению к духовной литературе) содержания, возникновение этой традиции связано, видимо, с развитием летописания” [Живов 1996, с.25-26].

В гибридном регистре (к которому принадлежит и ПВЛ) МП создает возможность “особой языковой установки пишущих, когда их целью оказывается не максимальное отличие языка новых сочинений с языком корпуса новых текстов, а условное тождество этих языков по ряду формальных показателей [Живов 1996, с.32]. Признаки книжности приобретают в гибридной разновидности сигнальный характер, что создает широкие возможности влияния некнижного языка на книжный. Вследствие преемственности навыков письма создается довольно устойчивый узус гибридного регистра: характер употребления отдельных элементов воспроизводится одним поколением книжников за другим, претерпевая постепенные изменения. “Анализ гетерогенных по языку текстов (прежде всего летописей) показывает, что те части, которые книжник воспроизводит, основываясь на удаленных от него по времени источникам, и те части, которые он пишет самостоятельно, связаны непрерывной цепью связующих звеньев, указывающих на постепенную эволюцию узуса” [Живов 1996, с.35]. Четкой границы между регистрами нет, однако ориентиром для книжника и источником “трафаретов” оказывается не столько весь корпус прочитанной им литературы, сколько тексты того же “жанра”, так летописи находятся в преемственной зависимости от летописей.

Концепция языковой ситуации Древней Руси, предложенная В.М. Живовым, раскрывает (с помощью понятий “механизм ориентации на образцы” и “механизм пересчета”) природу языковых, стилистических и литературных изменений, возникавших в ходе редактирования и переписки летописных сводов, и представляется нам наиболее актуальной для исследования ЯЛ составителя ПВЛ путем моделирования книжно-письменной традиции летописей – своеобразного узуса, на который ориентировался древнерусский книжник (переписчик, редактор, сводчик). Вслед за В.М. Живовым считаем, ПВЛ написана на гибридном регистре книжного языка.